

2. Колобков В.А. Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.) // Археологический ежегодник (далее – АЕ) за 1993 год. М., 1995. С. 319-320.
3. /Платонов С., Бузескулом В., Богословским М., Тарле Е.) / Записка об ученых трудах профессора Д.Е. Егорова // Известия Академии Наук СССР. Серия 7: Отдел. гуманитарных наук. 1928. № 8/10. С. 434-439.
4. Платонов С.Ф. М.М. Богословский/Публ. подг. А.В. Мельников // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 392-394.
5. Платонов С.Ф. Из истории Великого Новгорода и Москвы при Иване IV // Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV – начала XVI вв. СПб., 1999. С.186-188 (конспект записала Н.И. Търкова).
6. См.: К живым образам истории и культуры русского Севера // Север. Вологда, 1923. Кн.1. С. 154-158.
7. РГАЛИ. Ф. 406. Оп.1. Ед. хр.1. Л. 1-9.
8. Баиов А.К. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля: Военно-историческое исследование. Пг., 1915.
9. Платонов С.Ф. Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий (историческая поминка) // Записки Разряда военной археологии и археографии императорского Русского Военно-Исторического общества. СПб., 1912. Т. 2. С. 1-7.

Михалев Н.А. (Екатеринбург)

Беженцы Первой мировой войны в России: беженцы и рынок труда (интерпретация Питера Гетрелла)

Несмотря на истекшие девять десятилетий с момента окончания Первой мировой войны, она продолжает оставаться объектом пристального внимания со стороны многих отечественных и зарубежных исследователей. Отечественная историография Первой мировой войны характеризуется большим количеством работ, освещающих военные, дипломатические и экономические проблемы данного периода. Однако, хотя массовые перемещения населения и стали отличительной чертой истории России времен Первой мировой войны, советская историография фактически игнорировала этот вопрос. В современной исторической науке появляются лишь первые исследования, большая часть которых посвящена отдельным аспектам истории беженства (1).

В этом отношении зарубежная историография выгодно отличается от отечественной. Здесь мы располагаем целым рядом работ английского историка Питера Гетрелла, в которых автор предпринимает попытку дать комплексное освещение указанной проблемы (2). Привлекая широкий круг источников (периодическая печать, издания разнообразных благотворительных и общественных организаций, а также архивные документы), автор реконструирует феномен российского беженства. Настоящее сообщение посвящено рассмотрению трактовки историком проблемы взаимоотношения беженцев с российским рынком труда.

По словам Джона Бергера, «рабочие-мигранты бессмертны, бессмертны, потому что постоянно заменяемы. Они не рождаются, их не воспитывают, они не стареют, они не устают. Единственная их функция

– работать. За все остальное ответственна страна, из которой они прибыли» (3). Однако на российских беженцев эта характеристика не распространялась. Они, конечно же, старели, болели и иногда погибали еще до того, как появлялась возможность вернуться домой. Как указывает Гетрелл, поиск работы для беженцев являлся обычно «случайным атрибутом, а не условием их пространственной мобильности», хотя, с другой стороны, следует учитывать и вероятность того, что беженцы могли осуществлять поиски работы с целью «бережного сохранения приобретенных умений и навыков, а также поддержания чувства личного достоинства и уважения» (4).

Другим обстоятельством, которое подчеркивает историк, является специфичная половозрастная структура беженского населения, основную часть которого составляли женщины, дети и старики. Так, по данным Татьянинского комитета, на которые ссылается автор, по состоянию на начало 1917 г. около половины женской части беженского населения находились в возрасте от 17 до 55 лет, тогда как лишь менее 40% мужчин относились к этой возрастной категории; 40% беженок были моложе 17 лет в сравнении с половиной мужского населения того же возраста (5).

Исследуя положение беженцев в сельскохозяйственном и промышленном секторе российской экономики, Гетрелл приходит к следующим результатам. Что касается сельского хозяйства, то здесь наиболее важный вклад беженцы сделали, являясь источником рабочей силы для частновладельческих хозяйств и поместий, около 6% которых использовали труд беженцев. Согласно Гетреллу к 1916 г. беженцы составляли 8% всей рабочей силы в частном сельскохозяйственном секторе, тогда как в отношении семейного крестьянского хозяйства этот показатель не превышал 1%. Однако, несмотря на такую скромную долю беженского труда в крестьянском хозяйстве, современники, отмечает автор, придавали большое значение ожидаемому притоку беженцев в деревню. От пришельцев ожидалось знакомство русского крестьянства с «новыми, лучшими приемами агротехники и повышение общего уровня деревенской цивилизации» (6). Тем не менее, сложно установить осуществились ли эти надежды на «кросс-культурный контакт», но сами по себе они помогли улучшению общественного образа беженцев в условиях многочисленных обвинений в том, что последние были «ленивыми» и всячески уклонялись от работы (7).

Несмотря на нежелание беженцев двигаться в отдаленные сельские районы, правительство, заинтересованное в компенсации оттока рабочей силы из деревни в результате мобилизации, старалось привлечь беженский труд в сельское хозяйство. С этой целью предпринимались меры по организации неограниченного переселения беженцев, которые приняли предложения работы в отдаленных хозяйствах, использовались методы

административного принуждения (беженцы, отклонявшие предложения работы могли лишиться выплачиваемого им государственного пособия) или поощрения (беженцы, работавшие в деревне, продолжали получать выплаты со стороны государства) (8).

Как установил исследователь, средством противодействия подобным попыткам манипуляции центральной власти стали так называемые рабочие дружины, создаваемые беженцами (обычно по национальному признаку). Эти бригады заключали контракты по найму скота и сельскохозяйственного оборудования с местными землевладельцами. Они активно действовали в Минской, Могилевской, Витебской, Нижегородской и других губерниях. По словам Гетрелла, «эти организации свидетельствовали об инициативе, которая с трудом соотносится с господствовавшими на рынке труда образами пассивности и инертности», обычно ассоциировавшимися с беженцами (9).

Что касается промышленности, то использование беженцев как источника рабочей силы сталкивалось здесь с рядом трудностей. Главная из них заключалась в том, что подавляющее большинство беженцев не имело никакого опыта работы в промышленном производстве. Так, например, к концу 1915 г. из 3,2 тыс. беженцев, зарегистрированных на местной бирже труда в Саратове, только 337 человек имели опыт работы в промышленности. Численность последних значительно превосходило количество неквалифицированных работников и служащих, получить работу которым было во много раз сложнее. «Лишь немногие беженцы, – пишет историк, – могли предложить необходимые умения и опыт, которые чрезвычайно требовались в условиях, когда мобилизация промышленности набирала обороты» (10).

Таким образом, рассмотрев положение беженцев на российском рынке труда, Гетрелл делает вывод, что «участие беженцев в производительной экономической деятельности обнаруживало элемент государственного принуждения». Этот подход – который, впрочем, никогда не был равнозначен полному лишению помощи беженцев, отказавшихся от работы, – приносил свои результаты. Как указывает исследователь, к лету 1916 г. рынок труда поглотил всех тех, кто был способен и готов работать. Кроме того, историк призывает обратить внимание, на устремления и желания самих беженцев. Многие из них, находясь в трудоспособном состоянии, сознательно воздерживались от «вступления на рынок труда, поскольку не имели ни малейшего желания становиться частью местного хозяйства». Эти люди хотели вернуться домой, а не пускать глубокие корни на новом месте жительства и именно поэтому сопротивлялись своей «инкорпорации в «чужое» хозяйство». И хотя это могло означать временную утрату достоинства и потерю незначительной материальной безопасности, предоставляемых работой, «эта депривация

считалась имеющей смысл, если она подчеркивала требование беженца на необходимую помощь и, в конечном счете, на репатриацию» (11).

1. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915г. // Вопросы истории. 2001. № 9; Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914-1917) // Вопросы истории. 1998. № 8; Нелипович С.Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2; Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в годы Первой мировой войны (по документам Нижнего Поволжья). Автореф. к.и.н. Саратов, 1999; и др.
2. Gatrell, Peter Refugees in the Russian Empire, 1914-1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921. London-Sydney-Auckland, 1997; idem. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999; idem. The (Extra)ordinary First World War, 1914 – 1917: Perspectives on the Concept of Refugeeedom // Ab Imperio. 2001. № 4; и др.
3. Berger, John A Seventh Man. London, 1975. P 15. Цит. по: Gatrell. A Whole Empire Walking. P.127.
4. Gatrell. A Whole Empire Walking. P.129.
5. Ibid. Appendix 1. P. 214.
6. Ibid. PP. 132-133.
7. Ibid. P. 140.
8. Ibid. PP. 133-134.
9. Ibid. P. 134.
10. Ibid. PP. 135-136.
11. Ibid. PP. 138-140.

Мякотина С.В. (Екатеринбург)

Динамика основных показателей аграрного производства Пермской губернии в 1900 - 1917 гг.

Определяя место Пермской губернии в экономической жизни России начала XX в. необходимо, прежде всего, остановиться на общей характеристике изучаемой территории.

Расположенная по обе стороны Уральского хребта, ограниченная с юга Оренбургской и Уфимской, с севера - Вологодской, на западе - Вятской, на востоке - Тобольской губерниями, Пермская губерния в конце XIX века составляла около 29 млн. десятин, или 291760 кв. верст, из которых до 133 тыс. кв. верст приходилось на Азиатскую часть. Из 12 уездов западнее Уральского хребта - на территории Предуралья – было расположено 7 уездов: Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский и Красноуфимский. Восточнее уральского хребта (в Зауралье) располагалось 5 уездов: Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский и Верхотурский. Территория Пермской губернии равнялась 41,5% всей территории Урала. Пермская губерния являлась третьей по величине среди губерний Европейской России (больше нее были лишь Архангельская и Вологодская губернии) и составляла 7% площади 50-ти губерний России.